

УДК 343.85:37.014.6**Структурный подход к формированию парадигмы развития системы образования в зарубежных пенитенциарных учреждениях****Новиков Алексей Валерьевич**

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;

профессор кафедры уголовного права,

Астраханский государственный университет,

414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;

профессор кафедры частного права,

Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,

614012, Российская Федерация, Пермь, ул. Карпинского, 125;

e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

В статье представлен комплексный анализ эволюции и современного состояния образования как важного элемента пенитенциарных систем. Приведен ретроспективный обзор развития образовательных практик в местах лишения свободы. Особое внимание уделяется анализу международных стандартов и нормативной базы, включая «Правила Нельсона Манделы» и программные документы ЮНЕСКО. Автором выявляются системные ограничения реализации образовательных программ, реализуемых за рубежом: недофинансирование, секвестр бюджетных ассигнований, дефицит квалифицированных кадров, недостаточная ориентация на концепцию гуманизма. На основе анализа статистических данных в открытых источниках из различных стран демонстрируется глобальный масштаб образовательного кризиса среди осужденных. Рассматриваются перспективные направления развития пенитенциарного образования, включая создание сбалансированных моделей, внедрение современных педагогических технологий. Особый акцент делается на необходимости переосмысления роли образования в пенитенциарной системе как фундаментального права человека и важного условия успешной ресоциализации.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В. Структурный подход к формированию парадигмы развития системы образования в зарубежных пенитенциарных учреждениях // Педагогический журнал. 2025. Т. 15. № 3А. С. 68-77.

Ключевые слова

Пенитенциарная система, реабилитация осужденных, международные стандарты, право на образование, ресоциализация, образовательные программы в закрытом социуме, профессиональная подготовка, социальная реинтеграция, гуманизация наказания.

Введение

История образования в пенитенциарных учреждениях неразрывно связана с эволюцией самой системы исполнения наказаний. Анализ развития этой сферы показывает, что образовательные практики в местах лишения свободы прошли сложный путь от второстепенного элемента системы до основного инструмента реабилитации [Bard Prison Initiative, 2021; Дятлов, 2025].

Изначально институт пенитенциарного образования носил противоречивый характер. В исследованиях 18-19 веков он рассматривался как средство исправления осужденных, однако его формы и содержание вызвали острые дискуссии [Сасина, 2007]. Основные подходы варьировались от религиозного воспитания, направленного на развитие нравственности, до трудового обучения как способа формирования значимых для рынка труда навыков. Уже в тот период высказывались идеи о преобразующей силе самого процесса лишения свободы, создающего условия для рефлексии и личностных изменений.

Значительный вклад в развитие системы пенитенциарного образования внесли прогрессивные реформаторы девятнадцатого века. Новаторские подходы, включая систему поощрений за учебные достижения и комплексные программы социальной адаптации заложили основы современных моделей обучения. Особого внимания заслуживают гендерно-ориентированные проекты, разработанные специально для женщин, находящихся в местах лишения свободы [Earle, Mehigan, 2020; Sandoval, Baumgartner, Clark, 2016]. Многочисленные исследования свидетельствуют том, что осужденные по всему миру демонстрируют значительно более низкий уровень образования по сравнению с общей популяцией. Так, в Гвинее около 90% заключённых являются функционально неграмотными [Behan, 2021], в Мексике 56% осужденных бросили школу до ее окончания. В США лишь 14% заключенных имеют образование выше среднего, тогда как среди общего взрослого населения этот показатель достигает 51% [BJS, 2021]. В Бразилии из почти 500 тысяч осужденных более половины не обладают базовыми навыками грамотности. Европейские страны также демонстрируют значительный образовательный разрыв [Giles, Paris, Whale, 2016]. В Италии только 1% заключенных имеют университетское образование, а количество лиц с проблемами грамотности в тюрьмах в четыре раза превышает средний показатель по стране. В Норвегии среди заключенных младше 25 лет 85% не завершили трехлетнее обучение в старшей школе [Norwegian Correctional Service, 2020]. В Ирландии 53% заключенных находятся на самом низком уровне грамотности. В Англии и Уэльсе, где 47% заключенных не имеют образовательных сертификатов (против 15% среди трудоспособного населения) [Earle, Mehigan, 2020]. Нидерландские исследования показывают прямую корреляцию между ранним уходом из школы и преступностью: 27% досрочно покинувших школу впоследствии подозревались в правонарушениях. В Австралии и Новой Зеландии ситуация еще более усугубляется для коренного населения, где только 40% осужденных обладают базовыми навыками чтения и счета [New Zealand Department of Corrections, 2020]. Среди освобожденных 36% не завершили последний год обязательного среднего образования, а для представителей коренных народов этот показатель достигает 30%. В Новой Зеландии 57% заключенных имеют крайне низкий уровень грамотности и практически не имеют формальных квалификаций.

Эти статистические данные свидетельствуют о наличии глобальной проблемы, требующей незамедлительного внимания со стороны образовательных и пенитенциарных систем.

Ключевые системные проблемы реализации тюремного образования требуют комплексного решения. Системное недофинансирование образовательных программ в пенитенциарных учреждениях усугубляется острым дефицитом квалифицированных педагогических кадров и

доминированием карательной идеологии над реабилитационными подходами [Sandoval, Baumgartner, Clark, 2016]. Особую сложность представляет обеспечение образовательных потребностей уязвимых групп осужденных, включая женщин, несовершеннолетних и представителей коренных народов, что требует разработки специальных адаптированных программ [Lewitt, Zelin, Bauer, Olidort, www...].

Перспективы развития пенитенциарного образования видятся в создании сбалансированных моделей, органично сочетающих профессиональную подготовку с общим образованием, развитием критического мышления и формированием гражданской позиции [Langelid, 2017]. В этих условиях необходимо создание «проницаемых» образовательных сред, обеспечивающих тесное взаимодействие с внешними образовательными институтами, внедрение современных педагогических технологий и учет особых потребностей различных категорий осужденных [Афанасьева, 2021]. Важным направлением является усиление международного сотрудничества для обмена лучшими практиками, разработки эффективных механизмов мониторинга.

Фундаментальное преодоление существующих противоречий требует кардинального переосмысления роли образования в пенитенциарной системе – его трансформации из вспомогательного инструмента исправления в неотъемлемое право каждого заключенного и необходимое условие полноценной ресоциализации. Реализация этой задачи предполагает не только существенное увеличение финансовых вложений, но и глубокую трансформацию пенитенциарной политики в сторону ее гуманизации, что соответствует современным международным стандартам в области прав человека и исполнения наказаний [Akoensi, Tankebe, 2020].

Основное содержание

Институционализация тюремного образования в XX веке стала важным этапом развития пенитенциарных систем, превратив образовательные программы в их неотъемлемый компонент. Этот процесс сопровождался не только созданием специализированных организаций, но и формированием международной нормативной правовой базы, что нашло свое завершение в учреждении в 2014 году Международного дня образования в тюрьмах – признания глобальной значимости этого направления [Rangel Torrijo, 2019].

Современная система образования в исправительных учреждениях сложилась под влиянием последовательно развивавшейся системы международных правовых актов. Его институционализацию можно проследить от основополагающих документов ООН. Всеобщая декларация прав человека 1948 года провозгласила общий принцип права на образование для всех [<https://www.un.org/>], то последующие акты – Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными 1955 года и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1976 года конкретизировали это положение применительно к пенитенциарной системе, закрепив образовательные программы как важный элемент реабилитации.

Специализированные стандарты развили эти принципы, уделяя внимание особым категориям осужденных. Правила ООН по обращению с женщинами-заключенными 2011 года (Бангкокские правила) впервые учли гендерные особенности образовательных программ [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok_rules.shtml].

Пересмотренные Минимальные стандартные правила (Правила Нельсона Манделы) 2015 года сохранили акцент на доступности образования, а Европейские пенитенциарные правила 2020 года установили детальные требования к образовательным программам.

В Латинской Америке такие страны как Аргентина, Мексика и Перу создали собственную правовую базу для пенитенциарного образования, тогда как в государствах Центральной Азии и Африки пока реализуются лишь отдельные программы [Lewitt, Zelin, Bauer, Olidort, www...].

Ключевые принципы международных стандартов включают всеобщую доступность образования для осужденных, где особое внимание уделяется лицам с низким уровнем грамотности и несовершеннолетним, соответствие программ стандартам внешней системы образования, обязательное библиотечное обслуживание и равный статус образовательной и трудовой деятельности. Однако на практике реализация этих принципов сталкивается с существенными ограничениями.

Основные проблемы заключаются в разрыве между декларируемыми принципами и реальной практикой, существенным недофинансированием образовательных программ, дефиците квалифицированных преподавателей и преобладании карательных подходов над реабилитационными во многих странах. Особые сложности возникают с обеспечением образовательных потребностей женщин-заключенных. Региональные различия проявляются в степени развития систем тюремного образования: от относительно развитой европейской модели до фрагментарных программ в Латинской Америке и практики самообразования в развивающихся странах [Costelloe, 2014; Earle, Mehigan, 2020].

Сложившаяся ситуация требует не только активизации усилий по имплементации международных стандартов на национальном уровне, но и переосмысления самой парадигмы пенитенциарного образования. В то время как государственное регулирование чаще всего придерживаются узкопрагматического подхода, делая акцент на профессионально-технической подготовке как инструменте трудовой реабилитации, академическое сообщество и практикующие педагоги предлагают более комплексные модели.

Этот концептуальный плюрализм отражает сложную природу образовательных потребностей осужденных, среди которых, как показывают исследования, значительная часть испытывает острый дефицит базовых компетенций [Carrington, Dixon, Fonseca, Goyes, Liu, Zysman, 2019]. Разрешение данного противоречия требует разработки эффективных механизмов мониторинга и выделения необходимых ресурсов для создания полноценных образовательных систем, способных учитывать как практические задачи ресоциализации, так и фундаментальные образовательные потребности лиц, находящихся в местах лишения свободы [Costelloe, Warner, 2014].

В научном дискурсе выделяются три основные парадигмы пенитенциарного образования [Aheisibwe, Rukundo, 2017; Banegas, 2018; Sandoval, Baumgartner, Clark, 2016]. Модель образования взрослых рассматривает обучение как самостоятельную ценность и неотъемлемое право личности. Социально-ориентированный подход интегрирует образовательные программы в систему социальной справедливости. Модель «сознания» акцентирует внимание на работе с представителями маргинализированных групп, помогая им осознать цели социальных перспектив.

Международная практика демонстрирует преобладание утилитарного подхода [Яркова, 2016], где образование рассматривается преимущественно как инструмент ресоциализации [Rangel Torrijó, 2019; Behan, 2021]. В рамках этой концепции акцент делается на профессионально-технической подготовке, а сам образовательный процесс позиционируется не как фундаментальное право, а как средство снижения рецидивизма через последующее трудоустройство.

Эмпирические исследования подтверждают комплексное позитивное влияние образовательных программ на различные аспекты жизни осужденных. Регулярное обучение способствует росту самооценки, развитию базовых навыков грамотности, формированию профессиональных компетенций, что в итоге снижает вероятность повторных правонарушений и облегчает процесс социальной реинтеграции. При этом эффективность образовательных «вмешательств» демонстрирует прямую зависимость от их продолжительности и

комплексности – систематическое участие в различных образовательных программах существенно повышает шансы на успешную адаптацию после освобождения.

Анализ исследований эффективности образовательных программ в пенитенциарных учреждениях выявил значительное снижение уровня рецидивизма среди участвующих осужденных. Согласно полученным данным, лица, прошедшие обучение в местах лишения свободы, демонстрируют на 28% меньшую вероятность повторного правонарушения по сравнению с теми, кто не участвовал в образовательных программах. Однако это существенное снижение рецидива не всегда коррелирует с улучшением перспектив трудоустройства после освобождения. Зарубежная статистика показывает, что участники образовательных программ и лица, не вовлеченные в обучение, имеют примерно равные шансы на получение работы, что свидетельствует о преобладающем влиянии фактора судимости над образовательными достижениями в период заключения. Тем не менее, образовательные программы подтверждают свою ценность как инструмент снижения повторной преступности [Sandoval, Baumgartner, Clark, 2016].

Профессионально-ориентированный подход к пенитенциарному образованию часто подвергается критике за утилитаризм и замещение образовательных целей запросами работодателей. Исследователи отмечают, что во многих странах образование в исправительных учреждениях, ориентированное исключительно на трудоустройство, существенно отличается от традиционного понимания образования взрослых и не соответствует стандартам, принятым, например, в европейской пенитенциарной практике [Tønseth, Bergsland, 2019]. Подобная узкая направленность игнорирует важные аспекты обучения на протяжении жизни, такие как формирование активной гражданской позиции, укрепление социальной сплоченности и личностное развитие.

В академическом дискурсе проводится разграничение между понятиями «образование» и «профессиональная подготовка» в контексте пенитенциарной системы, несмотря на их частое смешение на практике [Rangel Torrijo, 2019; Banegas, 2018; Langelid, 2017]. Под образованием в рассматриваемом контексте понимается комплекс формальных и неформальных практик, направленных на личностное развитие и лишь опосредованно связанных с профессиональной деятельностью [Харланова, 2016]. Профессиональная подготовка, в свою очередь, хотя и включает элементы личностного роста, в первую очередь ориентирована на освоение конкретных навыков для определенных видов занятости.

Этот комплексный подход к образованию в пенитенциарных учреждениях приобретает особую актуальность в контексте современных дискуссий о соотношении образовательных и коррекционных программ. В настоящее время в пенитенциарной педагогике наблюдается противоречивая тенденция: с одной стороны, происходит сближение образовательных практик с концепциями реабилитации и психокоррекции, что выражается во включении в учебные программы специализированных дисциплин, таких как управление гневом или тренинги по снижению агрессии. А с другой – существует риск подмены фундаментальных образовательных задач узконаправленными терапевтическими методиками [Bard Prison Initiative, 2021].

Данное противоречие особенно остро проявляется в том, что целостный подход к развитию личности осужденных, включающий как профессиональную подготовку, так и общее образование, зачастую подменяется фрагментарными коррекционными программами.

Таким образом, сохраняется потребность в выработке сбалансированной модели пенитенциарного образования, которая, с одной стороны, учитывала бы практические задачи профессиональной адаптации осужденных, а с другой – обеспечивала бы их полноценное личностное развитие и формирование гражданской позиции. Такой подход, по мнению автора, позволил бы преодолеть существующий разрыв между декларируемыми целями пенитенциарного образования и его фактическим содержанием.

Практика показывает, что в некоторых зарубежных пенитенциарных системах преподаватели сознательно «дистанцируются» от современных реабилитационных программ, которые могут использоваться государством в качестве инструментов «нормализации» социально «исключенных» лиц. Критики указывают, что подобные подходы часто базируются на устаревшей модели, рассматривающей осужденного как личность с существенными нравственными или психологическими девиациями, требующих коррекции [Earle, Mehigan, 2020]. Преобладающие в таких программах акценты на личной ответственности и моральном выборе нередко игнорируют социальный контекст преступности и наказания, сводя сложные социальные проблемы к индивидуальным патологиям.

Альтернативную позицию занимают исследователи, предлагающие сбалансированный подход. В условиях роста осужденных в значительном количестве стран мира образование приобретает все большую значимость как фактор, повышающий шансы бывших заключенных на трудоустройство и снижающий рецидивизм. Для усиления этого эффекта предлагается расширить учебные программы за рамки базового образования, интегрировав их в повседневную жизнь исправительных учреждений. Такой подход предполагает отход от узконаправленных когнитивно-поведенческих программ в пользу комплексной модели, сочетающей формальное и неформальное обучение [Слабкая, 2022]. Это позволит сместить акцент с вопросов безопасности на развитие взаимодействия с внешним сообществом, создавая более открытые и демократичные образовательные среды в пенитенциарных учреждениях.

Современные исследователи предлагают принципиально иной взгляд на пенитенциарное образование, выходящий за рамки традиционных критериев эффективности через призму рецидивизма и реабилитации. Образовательный процесс в пенитенциарных учреждениях рассматривается как инструмент личностного развития, значительно превосходящий цели реабилитационной политики. Исторически сложилось, что осужденные – особенно из маргинализированных слоев общества, непропорционально представленных в пенитенциарной системе – использовали образование как инструмент развития критического сознания. Чтение и обсуждение литературных произведений, отражающих культурное наследие социально незащищенных групп, создает возможности для осмысления собственного положения.

Педагогический процесс в пенитенциарных условиях реализуется в особом пространстве взаимодействия между обучающимися и педагогами. Даже в условиях инфраструктурных ограничений, образование способно создавать зону интеллектуальной свободы, где привычные идеи могут быть переосмыслены в новых контекстах. Такой образовательный опыт оказывается более эффективным для личностного развития, чем простое усвоение информации или освоение навыков. В этом пространстве обучающийся получает возможность не только приобретать знания, но и понимать их место в более широкой социальной перспективе, осознавая механизмы собственного положения в системе социальных отношений.

Современные дискуссии о пенитенциарном образовании показывают, что эта концепция продолжает развиваться и не имеет однозначного определения. Однако международные стандарты, такие как «Правила Нельсона Манделы», настаивают на необходимости предоставления заключенным комплексных образовательных возможностей. В данном контексте пенитенциарное образование понимается как аналог образовательных программ для гражданского общества. Основой такого понимания служат принципы международных деклараций, в частности документов ЮНЕСКО о непрерывном образовании, в рамках подхода к образованию как неотъемлемому праву каждого человека, независимо от его социального статуса или положения.

Заключение

Исторический путь развития пенитенциарного образования демонстрирует его трансформацию от второстепенного элемента системы наказаний до важного инструмента реабилитации и социальной реинтеграции. Однако современное состояние этой сферы характеризуется глубокими противоречиями между декларируемыми международными стандартами и реальной практикой в зарубежных странах, между различными концептуальными подходами и их реализацией.

Ключевые проблемы пенитенциарного образования носят системный характер: перманентный секвестр бюджетных ассигнований, дефицит квалифицированных кадров, отсутствием гуманистической идеологии, особые трудности в обеспечении образовательных потребностей уязвимых групп. При этом статистические данные свидетельствуют о образовательном кризисе среди осужденных в значительном количестве стран мира.

Перспективы развития связаны с созданием сбалансированных моделей, сочетающих профессиональную подготовку с общим образованием и гражданским воспитанием, внедрением современных педагогических технологий, развитием международного сотрудничества. Однако фундаментальное решение требует переосмысления самой парадигмы тюремного образования – его признания неотъемлемым правом каждого человека и важнейшим условием успешной ресоциализации.

Образование в местах лишения свободы способно не только снижать рецидивизм, но и раскрывать человеческий потенциал, формировать активных граждан, способствовать позитивным социальным изменениям.

Библиография

1. Афанасьева, Л. С. «Проницаемый» университет как модель университета будущего: кейс университетов Европы / Л. С. Афанасьева // Философия образования. – 2021. – Т. 21, № 3. – С. 181-197. – DOI 10.15372/PHE20210312. – EDN RKUMFJ.
2. Дятлов Ю.Н. Организационно-экономические аспекты развития процесса профессионального образования и обучения осужденных // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2025. – № 1. – С. 35-42.
3. Сасина В.В. Становление и развитие теории и практики пенитенциарного воспитания в западноевропейских странах и России (XIX в.) : диссертация ... канд.пед.наук : 13.00.05 – Санкт-Петербург, 2007. – 152 с.
4. Слабкая, Д. Н. Психологические приемы, применяемые персоналом пенитенциарных учреждений за рубежом. Ретроспективный взгляд / Д. Н. Слабкая, А. В. Новиков // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2022. – Т. 11, № 1-1. – С. 226-233. – DOI 10.34670/AR.2022.13.29.026.
5. Интернет-источник: Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
6. Харланова, Е. М. Соотношении понятий "Формальное", "Неформальное" и дополнительное образование // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2016. – № 7. – С. 118-123. – EDN WXBLWP.
7. Яркова, Е. Н. Утилитаризм как философия образования / Е. Н. Яркова // Образование и наука. – 2016. – № 5(134). – С. 11-24. – DOI 10.17853/1994-5639-2016-5-11-24. – EDN VXVTCN.
8. Aheisibwe, I., Rukundo, A. An Exploration of Learning Strategies Employed by Prisoners on Correctional Education in Luzira Prison // International Journal of Science and Research. – 2017. – Vol. 6, № 3. – P. 2130–2133.
9. Akoensi, T.D., Tankebe, J. Prison Officer Self-Legitimacy and Support for Rehabilitation in Ghana // Criminal Justice and Behavior. – 2020. – Vol. 47, № 1. – P. 22–38. – DOI: 10.1177/0093854819879729.
10. Australian Bureau of Statistics. Prisoners in Australia, 2016. – 2016. – URL: <https://www.abs.gov.au/ausstats/abs@.nsf/Lookup/by%20Subject/4517.0~2016~Main%20Features~Overview~3> (дата обращения: 08.03.2025).
11. Banegas, D.L. 'I Want to Make the Invisible Visible': Teacher Motivation in Argentinian Prison Education // International Perspectives on Teaching English in Difficult Circumstances: Contexts, Challenges and Possibilities / eds. K. Kuchah, F. Shamim. – London: Palgrave Macmillan, 2018. – P. 133–153. – DOI: 10.1057/978-1-137-53104-9_7.

12. Bard Prison Initiative. Our work: the college. – 2021. – URL: <https://bpi.bard.edu/our-work/the-college/> (дата обращения: 11.03.2025).
13. Behan, C. Education in Prison: A Literature Review. – Hamburg: UNESCO Institute for Lifelong Learning, 2021.
14. BJS (Bureau of Justice Statistics). FAQ Detail: What is the difference between jails and prisons? – 2021. – URL: <https://www.bjs.gov/index.cfm?ty=qa&iid=322> (дата обращения: 04.03.2025).
15. Carrington, K., Dixon, B., Fonseca, D., Goyes, D.R., Liu, J., Zysman, D. Criminologies of the Global South: Critical Reflections // *Critical Criminology*. – 2019. – Vol. 27, № 1. – P. 163–189. – DOI: 10.1007/s10612-019-09450-y.
16. Costelloe, A. Prison Education: Principles, Policies and Provision // *Youth and Adult Education in Prisons: Experiences from Central Asia, South America, North Africa and Europe* / eds. T. Czerwinski, E. König, T. Zaichenko. – Bonn: DVV International, 2014. – P. 8–14.
17. Costelloe, A., Warner, K. Prison education across Europe: policy, practice, politics // *London Review of Education*. – 2014. – Vol. 12, № 2. – P. 175–183. – DOI: 10.18546/LRE.12.2.03.
18. Earle, R., Mehigan, J. Degrees of Freedom: Prison Education at the Open University. – London: Policy Press, 2020.
19. Giles, M., Paris, L., Whale, J. The role of art education in adult prisons: The Western Australian experience // *International Review of Education*. – 2016. – Vol. 62, № 6. – P. 689–709. – DOI: 10.1007/s11159-016-9604-3.
20. Langelid, T. The Development of Education in Norwegian Prisons // *Scandinavian Penal History, Culture and Prison Practice* / eds. P. Scharff Smith, T. Ugelvik. – London: Palgrave Macmillan, 2017. – P. 225–247. – DOI: 10.1057/978-1-137-58529-5_10.
21. Lewitt, M., Zelin, A.Y., Bauer, K., Olidort, J. Defeating Ideologically Inspired Violent Extremism: A Strategy to Build Strong Communities and Protect the U.S. Homeland. – Washington Institute for Near East Policy. – URL: <https://www.washingtoninstitute.org/media/1817> (дата обращения: 09.03.2025).
22. New Zealand Department of Corrections. *Prison facts and statistics - June 2020*. – 2020. – URL: https://www.corrections.govt.nz/resources/statistics/quarterly_prison_statistics/prison_stats_june_2020
23. Norwegian Correctional Service. About the Norwegian Correctional Service. – 2020. – URL: <https://www.kriminalomsorgen.no/?cat=265199> (дата обращения: 12.03.2025).
24. Rangel Torrijo, H. Cooperation and education in prison: A policy against the tide in the Latin American penitentiary crisis // *International Review of Education*. – 2019. – Vol. 65, № 5. – P. 785–809. – DOI: 10.1007/s11159-018-9747-5.
25. Sandoval, C.L., Baumgartner, L.M., Clark, M.C. Paving Paths Toward Transformation With Incarcerated Women // *Journal of Transformative Education*. – 2016. – Vol. 14, № 1. – P. 34–52. – DOI: 10.1177/1541344615602758.
26. Tønseth, C., Bergsland, R. Prison education in Norway – The importance for work and life after release // *Cogent Education*. – 2019. – Vol. 6, № 1. – P. 1–13. – DOI: 10.1080/2331186X.2019.1628408.

A structural approach to the formation of the paradigm of the development of the education system in foreign penitentiary institutions

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Chief Researcher,

Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;

Professor of the Department of Criminal Law,
Astrakhan State University,

414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;

Professor of the Department of Private Law,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
614012, 125, Karpinskogo str., Perm, Russian Federation;

e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The article presents a comprehensive analysis of evolution and the current state of education as an important element of penitentiary systems. A retrospective review of the development of

A structural approach to the formation of the paradigm ...

educational practices in places of imprisonment is given. Particular attention is paid to the analysis of international standards and the regulatory framework, including Nelson Mandela Rules and UNESCO software documents. The author reveals systemic restrictions on the implementation of educational programs implemented abroad: underfunding, sequestration of budget allocations, qualified personnel deficiency, insufficient orientation to the concept of humanism. Based on the analysis of statistical data in open sources from various countries, the global scale of the educational crisis among convicts is demonstrated. Promising areas of development of penitentiary education are considered, including the creation of balanced models, the introduction of modern pedagogical technologies. A special emphasis is on the need to rethink the role of education in the penitentiary system as a fundamental human law and an important condition for successful resocialization.

For citation

Novikov A.V. (2025) Strukturnyy podkhod k formirovaniyu paradigmy razvitiya sistemy obrazovaniya v zarubezhnykh penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh [Novikov A.V. Strukturnyy podkhod k formirovaniyu paradigmy razvitiya sistemy obrazovaniya v zarubezhnykh penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh]. *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Journal], 15 (3A), pp. 68-77.

Keywords

Penitentiary system, rehabilitation of convicts, international standards, the right to education, resocialization, educational programs in closed society, professional training, social reintegration, and the humanization of punishment.

References

1. Afanas'eva, L. S. «Pronicaemyj» universitet kak model' universiteta budushchego: kejs universitetov Evropy / L. S. Afanas'eva // *Filosofiya obrazovaniya*. 2021. T. 21, № 3. S. 181-197. – DOI 10.15372/PHE20210312. – EDN RKUMFJ.
2. Dyatlov Yu.N. Organizacionno-ekonomicheskie aspekty razvitiya processa professional'nogo obrazovaniya i obucheniya osuzhdennykh // *Ekonomika. Professiya. Biznes*. – 2025. – № 1. – S. 35-42.
3. Sasina V.V. Stanovlenie i razvitie teorii i praktiki penitentsiarnogo vospitaniya v zapadnoevropejskikh stranah i Rossii (XIX v.) : dissertaciya ... kand.ped.nauk : 13.00.05 – Sankt-Peterburg, 2007. – 152 s.
4. Slabkaya, D. N. Psihologicheskie priemy, primenyaemye personalom penitentsiarnykh uchrezhdenij za rubezhom. Retrospektivnyj vzglyad / D. N. Slabkaya, A. V. Novikov // *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*. – 2022. – T. 11, № 1-1. – S. 226-233. – DOI 10.34670/AR.2022.13.29.026.
5. Internet-istochnik: Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka. Prinyata rezolyuciej 217 A (III) General'noj Assamblei OON ot 10 dekabrya 1948 goda https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
6. Harlanova, E. M. Sootnoshenii ponyatij "Formal'noe", "Neformal'noe" i dopolnitel'noe obrazovanie // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. – 2016. – № 7. – S. 118-123. – EDN WXBLWP.
7. Yarkova, E. N. Utilitarizm kak filosofiya obrazovaniya / E. N. Yarkova // *Obrazovanie i nauka*. – 2016. – № 5(134). – S. 11-24. – DOI 10.17853/1994-5639-2016-5-11-24. – EDN VXVTCN.
8. Aheisibwe, I., Rukundo, A. An Exploration of Learning Strategies Employed by Prisoners on Correctional Education in Luzira Prison // *International Journal of Science and Research*. – 2017. – Vol. 6, № 3. – P. 2130–2133.
9. Akoensi, T.D., Tankebe, J. Prison Officer Self-Legitimacy and Support for Rehabilitation in Ghana // *Criminal Justice and Behavior*. – 2020. – Vol. 47, № 1. – P. 22–38. – DOI: 10.1177/0093854819879729.
10. Australian Bureau of Statistics. Prisoners in Australia, 2016. – 2016. – URL: <https://www.abs.gov.au/ausstats/abs@.nsf/Lookup/by%20Subject/4517.0~2016~Main%20Features~Overview~3> (data obrashcheniya: 08.03.2025).
11. Banegas, D.L. 'I Want to Make the Invisible Visible': Teacher Motivation in Argentinian Prison Education // *International Perspectives on Teaching English in Difficult Circumstances: Contexts, Challenges and Possibilities* / eds. K. Kuchah, F. Shamim. – London: Palgrave Macmillan, 2018. – P. 133–153. – DOI: 10.1057/978-1-137-53104-9_7.
12. Bard Prison Initiative. Our work: the college. – 2021. – URL: <https://bpi.bard.edu/our-work/the-college/> (data obrashcheniya: 11.03.2025).

13. Behan, C. Education in Prison: A Literature Review. – Hamburg: UNESCO Institute for Lifelong Learning, 2021.
14. BJS (Bureau of Justice Statistics). FAQ Detail: What is the difference between jails and prisons? – 2021. – URL: <https://www.bjs.gov/index.cfm?ty=qa&iid=322> (data obrashcheniya: 04.03.2025).
15. Carrington, K., Dixon, B., Fonseca, D., Goyes, D.R., Liu, J., Zysman, D. Criminologies of the Global South: Critical Reflections // *Critical Criminology*. – 2019. – Vol. 27, № 1. – P. 163–189. – DOI: 10.1007/s10612-019-09450-y.
16. Costelloe, A. Prison Education: Principles, Policies and Provision // *Youth and Adult Education in Prisons: Experiences from Central Asia, South America, North Africa and Europe* / eds. T. Czerwinski, E. König, T. Zaichenko. – Bonn: DVV International, 2014. – P. 8–14.
17. Costelloe, A., Warner, K. Prison education across Europe: policy, practice, politics // *London Review of Education*. – 2014. – Vol. 12, № 2. – P. 175–183. – DOI: 10.18546/LRE.12.2.03.
18. Earle, R., Mehigan, J. Degrees of Freedom: Prison Education at the Open University. – London: Policy Press, 2020.
19. Giles, M., Paris, L., Whale, J. The role of art education in adult prisons: The Western Australian experience // *International Review of Education*. – 2016. – Vol. 62, № 6. – P. 689–709. – DOI: 10.1007/s11159-016-9604-3.
20. Langelid, T. The Development of Education in Norwegian Prisons // *Scandinavian Penal History, Culture and Prison Practice* / eds. P. Scharff Smith, T. Ugelvik. – London: Palgrave Macmillan, 2017. – P. 225–247. – DOI: 10.1057/978-1-137-58529-5_10.
21. Lewitt, M., Zelin, A.Y., Bauer, K., Olidort, J. Defeating Ideologically Inspired Violent Extremism: A Strategy to Build Strong Communities and Protect the U.S. Homeland. – Washington Institute for Near East Policy. – URL: <https://www.washingtoninstitute.org/media/1817> (data obrashcheniya: 09.03.2025).
22. New Zealand Department of Corrections. *Prison facts and statistics - June 2020*. – 2020. – URL: https://www.corrections.govt.nz/resources/statistics/quarterly_prison_statistics/prison_stats_june_2020
23. Norwegian Correctional Service. About the Norwegian Correctional Service. – 2020. – URL: <https://www.kriminalomsorgen.no/?cat=265199> (data obrashcheniya: 12.03.2025).
24. Rangel Torrijo, H. Cooperation and education in prison: A policy against the tide in the Latin American penitentiary crisis // *International Review of Education*. – 2019. – Vol. 65, № 5. – P. 785–809. – DOI: 10.1007/s11159-018-9747-5.
25. Sandoval, C.L., Baumgartner, L.M., Clark, M.C. Paving Paths Toward Transformation With Incarcerated Women // *Journal of Transformative Education*. – 2016. – Vol. 14, № 1. – P. 34–52. – DOI: 10.1177/1541344615602758.
26. Tønseth, C., Bergsland, R. Prison education in Norway – The importance for work and life after release // *Cogent Education*. – 2019. – Vol. 6, № 1. – P. 1–13. – DOI: 10.1080/2331186X.2019.1628408.